

О том, что значит обосноваться на новом месте, присутствующим было ясно без слов.

Как приемные родители, Шу Юньжун и Ян Юйфэнь, разумеется, надеялись, что в будущем она останется в Цичжоу, чтобы даже после замужества и рождения детей быть рядом с ними. Однако у них не было причин противиться её решению.

Шу Сяньюй, которая до этого момента казалась безучастной, незаметно сжала ладони. Мякоть каштана в её руке превратилась в кашицу. Сердце, до этого хранившее спокойствие, непроизвольно сжалось, и без всякого предупреждения нахлынула острая, колющая боль.

Быть может, для неё в этом месте не осталось ничего, кроме семейных уз, и больше не к чему было привязаться — даже к ней самой.

Да и к чему было привязываться?

В глазах окружающих их отношения были лишь сестринскими, и ничем иным они быть не могли. То, что она так поступила, было вполне оправданно. К тому же, что она могла ей предложить? Деньги? Имущество? Она лишь презрительно усмехнулась бы, а то, чего она хотела на самом деле, та дать ей не могла...

На обычно невозмутимом лице Шу Юньжуна промелькнула тревога, но вскоре взгляд прояснился. Он тихо вздохнул:

— Цзяньянь — твоя родина, там твои родные. К тому же, как сотрудник полиции, ты неизбежно будешь проводить там много времени. Мы не против твоего решения. Дети рано или поздно вырастают, и мы никогда не препятствовали Сяньюй и Сянцзюню жить там, где они хотят... Момо, пока ты счастлива, мы безоговорочно поддержим тебя. Мы уже отложили деньги на покупку жилья для тебя, но раз ты уже купила квартиру, пусть эти средства пойдут на ремонт.

Си Молинь, глядя на него глазами, полными печали, едва заметно дрожала. Тяжелое чувство вины давило на сердце. Она не только не посоветовалась с ними о покупке квартиры заранее, но и теперь, когда они узнали, они не стали её упрекать. Всегда стойкая, она не сдержала слез:

— Спасибо, папа Жун. Но деньги я взять не могу, на ремонт у меня есть свои сбережения. Вы и так были добры ко мне, я не успеваю отплатить вам за всё добро...

Ян Юйфэнь поднялась, села рядом с ней и взяла её за прохладные руки. На лице читались грусть и беспокойство, а в глазах блестели слезы:

— Не терзай себя. Денег немного, это лишь знак нашей заботы, ты обязательно должна их принять... Но даже если ты решила обосноваться в Цзяньяни, помни: это место навсегда останется твоим домом. Приезжай к нам почаще... Тебе одной там будет одиноко, постарайся поскорее найти себе спутника жизни. Когда рядом есть человек, который позаботится о тебе,

мы будем спокойны.

Как бы ни было тяжело расставаться, птицы, рожденные для полета, принадлежат всему небу. Родители должны научиться отпускать, а не удерживать.

Си Молинь прекрасно понимала, как много они для неё сделали, и чувствовала себя еще более виноватой. Она кивнула и ответила тихим голосом:

— Хорошо, я буду приезжать. Спасибо, мама Ян, спасибо, папа Жун. Спасибо за вашу поддержку. Я думала, вы будете сердиться, когда узнаете...

— Как мы можем! Ты выросла, и мы верим, что твой выбор верен. Что бы ни случилось, мы всегда поддержим тебя.

В глазах Ян Юйфэнь светилась бесконечная любовь. Она действительно считала её родной дочерью. О Сяньюй и Сянцзюне сейчас можно было не беспокоиться, и только эта младшая дочь постоянно занимала её мысли.

Получив их безоговорочную поддержку, Си Молинь осознала, насколько узкими и эгоистичными были её прежние мысли.

Шу Сянцзюнь, хоть и понимал её, всё же не мог скрыть досады из-за такого решения. Он нахмурился и вздохнул:

— Момо, значит, теперь ты будешь возвращаться еще реже!

С детства, имея отца-полицейского, он привык к тому, что семья часто бывает в разлуке, и по важным поводам их часто не было рядом. Теперь же Момо, которую любила вся семья, тоже уезжала, причем еще дальше, чем остальные.

— Что, тоже будешь скучать?

Си Молинь, с трудом скрывая печаль, попыталась улыбнуться. Она не хотела омрачать семейный праздник лишней тяжестью, поэтому подхватила его тон, переводя тему. При этом она до последнего не решалась взглянуть на Шу Сяньюй, опасаясь, что та прочтет всё по её глазам.

— А что поделать? В конце концов, ты всё равно выйдешь замуж и покинешь дом.

В мире взрослых встречи всегда коротки, а разлуки порой длятся годами. Они прекрасно понимали эту истину. К тому же он сам планировал в будущем жить в Ханчжоу, но добираться оттуда домой было куда проще, чем из Цзяньяни. Но всё же ему было невыносимо осознавать,

что сестра, которую он опекал с малых лет, теперь будет за тысячи километров, и встретиться с ней станет настоящим испытанием.

— Не волнуйся, я буду приезжать, как только появится время, чтобы навестить папу Жуна, маму Ян и тебя...

Не успела она договорить, как раздался полный горечи голос Шу Сяньюй, прозвучавший подобно грому:

— Си Молинь, а навестить меня ты совсем не хочешь? Ха, впрочем, чего еще ожидать... Для тебя я ничего не значу.

Сяньюй нахмурилась, в её глазах вспыхнул необычный гнев. Не сказав больше ни слова, она поднялась и ушла наверх. Её движения были резкими и решительными — она была явно разгневана.

— Ну вот, кажется, кто больше всех будет скучать по Момо, так это сестра... — Шу Сянцзюнь продолжал есть каштаны, наблюдая за происходящим как за представлением.

Все знали, что сестры с детства были очень близки, ведь Момо практически выросла под присмотром Сяньюй. Теперь, узнав, что та собирается обосноваться в Цзяньяни, Сяньюй, естественно, приняла это близко к сердцу.

— Момо, иди поговори с Сяньюй. Думаю, она поймет тебя. Эх, пойду готовить обед. — Ян Юйфэнь вздохнула и направилась на кухню.

— Сестра, наверное, просто сгоряча так отреагировала. Момо, не переживай, она не всерьез злится, — видя растерянность девушки, Шу Сянцзюнь перестал подшучивать.

Си Молинь не ожидала такой бурной реакции. Помолчав немного, она с замирающим сердцем поднялась на третий этаж. Она прислонилась к стене возле лестницы и уставилась на закрытую дверь спальни. Её взгляд был мрачным, а в глубине глаз мерцал беспокойный свет.

Эта дверь отделяла не только их нынешние жизни, но и их холодную решимость, которую они хранили долгие годы. Время словно стало неприступной крепостной стеной, которую невозможно разрушить, повернуть вспять или изменить.

Глубокие сомнения, копившиеся годами, лишили её мужества даже подойти к двери. Она не знала, как смотреть ей в глаза и что сказать. Объясниться? В чем? При их нынешних отношениях — какие могут быть объяснения?

Её сердце терзали противоречия, а тело медлило. Она простояла там долго, так и не решившись подойти. Это было совсем не похоже на решительного капитана Си, которая в

своем подразделении всегда действовала четко и без колебаний.

В конце концов, проявив трусость, она молча повернулась и ушла.

Их отношения могли оставаться лишь сестринскими — это был факт, который они обе давно осознали. Она не хотела снова погружаться в пучину чувств, из которой невозможно выбраться, ведь в итоге они обе будут лишь страдать.

То, что сейчас заботило Шу Сяньюй, возможно, было лишь внезапным чувством, что она больше не занимает главного места в её жизни. Гнев должен был пройти. Со временем, когда связь окончательно оборвется и каждая вернется к своей жизни, забыв то, что нужно забыть, всё станет неважным.

Решение обосноваться в Цзяньяни было продиктовано заботой о будущем. Ей нужно было свое собственное маленькое гнездышко. Работа в подразделении вряд ли сильно изменится, а покупка небольшой квартиры дала бы ей чувство дома. Она верила, что её покойные родные хотели бы именно этого.

Даже если бы она вернулась в Цичжоу, как часто Шу Сяньюй, будучи знаменитостью, могла бы бывать дома? Сколько раз они могли бы увидеться и поговорить? Она не хотела загонять себя в тупик, где нет никакой надежды.

А Шу Сяньюй, сидя на краю кровати, услышала тихие шаги за дверью. В дополнение к душевной боли, у неё не хватило смелости открыть дверь и встретиться с ней лицом к лицу. Собственная несдержанность удивила её саму — это была словно инстинктивная реакция. Ей нужно было успокоиться, разобраться в том, чего именно она хочет, и понять, в каком качестве они будут общаться с Момо в дальнейшем...

Си Молинь вернулась в гостиную и села, чувствуя себя подавленной. К счастью, в комнате был только Шу Сянцзюнь — папа Жун, видимо, помогал маме Ян на кухне.

Внимание Сянцзюня переключилось с телефона на неё. На его лице играла легкая улыбка, словно он заранее предвидел такой исход. Он иронично заметил:

— Судя по твоему виду, у тебя не хватило смелости встретиться с сестрой... Или тебя выставили за дверь?

— Я побоялась идти к ней... — Си Молинь ответила прямо, но голос её звучал слабо и безжизненно.

— Глупышка, ты думаешь, сестра разозлилась только потому, что ты сказала, что приедешь навестить нас, но не упомянула её?

— Может, сестра просто посчитала это слишком внезапным и не смогла сразу принять. Со временем она всё поймет...

Си Молинь опустила голову и принялась теревать пальцы. Хотя боли в её глазах не было видно, её печальный голос выдавал истинное состояние души.

Слушая её попытки утешить саму себя, Шу Сянцзюнь беззвучно вздохнул, и улыбка постепенно погасла. Хотя всё было именно так, жизнь не всегда идет по тому сценарию, который мы для себя пишем. Как сторонний наблюдатель, он часто видел ситуацию яснее, чем они сами.

— Момо, ты не думала о том, что у вас с сестрой всегда были отличные отношения, и твое решение для неё означает, что вы отдаляетесь друг от друга? Мы все знаем специфику работы сестры, увидеться с ней непросто. В интернете мы видим новости о ней постоянно, а ты всё время в Цзяньяни, да еще и в полиции. Чтобы увидеть тебя, нам нужно заранее спрашивать, свободна ли ты. Хорошо, что я человек свободный, могу мотаться куда угодно и встречаться с кем хочу!

Си Молинь не знала, что ответить. Сердце болезненно сжалось, старые шрамы внезапно вскрылись, но она была вынуждена поддерживать видимость спокойствия. Она не могла сделать вид, что ничего не происходит, и лишь старалась держаться из последних сил.

— Момо... — Шу Сянцзюнь увидел, что она стала такой же, как в детстве, когда только приехала к ним: стоило ей о чем-то задуматься, как она становилась подавленной и отрешенной. Он тихо позвал её.

Си Молинь подняла голову, её глаза слегка увлажнились.

Шу Сянцзюнь, обычно казавшийся беспечным, на самом деле был человеком глубоким и внимательным. У него и раньше возникали подозрения, а сегодня, видя её необычное состояние, он после недолгих колебаний решил спросить прямо:

— Между тобой и сестрой... что-то произошло? Мне всё время кажется, что вы будто избегаете друг друга.

Эти слова прозвучали как удар грома, мгновенно выведя Си Молинь из оцепенения. Она, которая всегда так искусно скрывала свои чувства, не ожидала, что за столь короткое время выдаст себя перед ним!

— Я помню, в год твоего выпуска...

— Сянцзюнь! — Си Молинь резко прервала его, в её глазах мелькнул редкий испуг. Она инстинктивно оглянулась на кухню и лестницу — к счастью, никого не было. — Пожалуйста...

не надо об этом. Всё уже в прошлом. Мы с сестрой в хороших отношениях, и как бы далеко мы ни были, мы навсегда останемся самыми близкими людьми. Она навсегда останется моей сестрой...

Шу Сянцзюнь не ожидал такой бурной реакции. Опешив, он кивнул, показывая, что понял её. Раз она не хочет говорить, он не будет настаивать, тем более что всё действительно в прошлом.

Однако то, как старательно она избегала этой темы все эти годы, убеждало его в том, что всё было не так просто. Спустя некоторое время он отвел взгляд и тихо вздохнул:

— Имя Шу Сянъюй для чужаков — синоним красоты, яркая звезда на экранах, кумир миллионов. Но для нас она прежде всего член семьи. Момо, что бы между вами ни произошло в прошлом, я лишь хочу, чтобы эта глубокая связь не угасла, и чтобы ты не приезжала раз в четыре года или десять лет, хорошо?

Тяжелые слова, нехарактерные для его обычно легкого нрава, эхом отозвались в ушах. Тот самый удар грома всё же настиг Си Молинь!

Оказывается, он всё это время знал об их с сестрой отношениях, но ни разу не упомянул об этом, не выразил протеста и не попытался помешать.

Вся её прежняя осторожность, старательная маскировка, упрямство — теперь, оглядываясь назад, всё это казалось детским спектаклем, нелепым и жалким.

С глазами, полными слез, с тяжелым комом в горле, она не смела поднять взгляд и посмотреть ему в глаза. Она лишь с трудом кивнула в знак согласия.

Шу Сянцзюнь подошел к ней, одарил её мягкой, покровительственной улыбкой и по привычке похлопал по плечу, утешая:

— Раз прошлое осталось в прошлом, найди себе кого-нибудь, кого полюбишь по-настоящему. Пусть тот, кто не ценил тебя, горько пожалеет. Я поддержу тебя гораздо охотнее, чем её. Давай, держись...

Сказав это, он не стал дожидаться ответа и поднялся наверх, оставив Си Молинь наедине с её подавленными чувствами.

Она, чьи нервы были натянуты как струна с самого приезда, наконец смогла хоть немного расслабиться. Она запрокинула голову и без сил откинулась на спинку дивана.

Сянцзюнь сказал ей найти кого-то другого, но разве это так просто?

Она усмехнулась сама себе. К тому же, её сердце давно было занято одним человеком, как же в нем могло найтись место для кого-то еще?

<http://bllate.org/book/21505/2204347>